

¹⁹¹ Севернорусские варианты легенд см.: *Бернштам Т.А.* Хитро-мудро рукодельнице: (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // *Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы* (Сб. МАЭ. Т. XLVII) / Отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб., 1999. С. 238.

¹⁹² *Федотов Г.* Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам) / Отв. ред. А.Л. Топорков. М., 1991. № 5 на с. 131.

¹⁹³ *Бернштам Т.А.* Прялка в символическом контексте культуры (по русским памятникам в музеях) // *Из культурного наследия народов Восточной Европы* (Сб. МАЭ. Т. XLV) / Отв. ред. Т.В. Станюкович. СПб., 1992. С. 27–39; *Она же.* Хитро-мудро рукодельнице... С. 237–238; *Она же.* Туры, Богородица и богатырь-пьяница (расследование одной «эпической» загадки) // *Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции* / Отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб., 2004. С. 133–199; *Она же.* Старообрядцы и крестьянская бытовая роспись на Севере и в Поволжье: (По музейно-архивным собраниям и публикациям памятников русской традиционной культуры XVIII–XX в.) (в печати).

¹⁹⁴ *Пословицы...* Т. 1. С. 61.

¹⁹⁵ Там же. С. 109.

Р.Р. Рахимов

АЛ-БИРУНИ О БЛАГОДАТНОМ ОГНЕ НА ГРОБЕ ГОСПОДНЕМ

Известный ориенталист И.Ю. Крачковский в одной из своих работ подверг анализу рассказы средневековых мусульманских авторов о чуде св. огня, нисходящего в Страстную субботу на гроб Иисуса Христа в Иерусалимском храме¹. Среди них — пассаж из сочинения величайшего среднеазиатского ученого энциклопедиста, хорезмийца ал-Бируни (973–1048) «Хроника минувших лет». Позволю себе привести этот рассказ из статьи И.Ю. Крачковского². Согласно автору этой чрезвычайно интересной публикации, рассказ ал-Бируни, «как и все (его. — Р.Р.) произведение, имеет вполне определенную дату — 1000 г. по Р. Х.»³.

«Про субботу (великого) воскресенья передают рассказ, от которого приходит в смущение знакомый с естественной наукой и едва ли может признать его (справедливость). Если бы враги не передава-

ли так единогласно этого, говоря, что сами были свидетелями, и если бы почтенные ученые и другие лица не увековечили бы этого в своих книгах, тогда бы сердце не могло относиться к этому спокойно. Сам я познакомился с этим из книг и слышал то же от Фараджа, сына Салиха багдадского. В середине церкви Воскресения в Иерусалиме (находится) гроб Христа, высеченный в одной (сплошной) скале со сводами; над гробом купол, поверх которого возвышается другой, большой. Кругом скалы — хоры, на которых помещаются мусульмане, христиане и все, кто приходит к месту гроба в этот день, преклоняясь перед Богом и молясь ему от полдня до вечера. Приходит му'аззин соборной мечети, имам и эмир города. Они садятся у гроба, приносят лампы, которые ставят на гроб; а он бывает закрыт. Христиане до этого тушат свои светильники и лампы и остаются так, пока не увидят, что чистый белый огонь зажег лампаду. От нее зажигаются лампы в соборной мечети и в церквях, а затем пишут в столицу халифата о времени нисхождения огня. По быстроте нисхождения и близости его к полудню заключают об урожае в этот год, по запаздыванию до вечера и удалению (от полдня) о неурожае. Передавал мне еще этот рассказчик, что один из правителей вместо фитиля положил медь, чтобы она не могла загореться и все это расстроилось бы. Но вот, когда спустился огонь, загорелась и медь. Нисхождение этого огня в день переходящий не заслуживает еще удивления, но появление его без видимой материи гораздо более удивительно. Сомневаться в этом нельзя, так как существует (удовлетворяющий) всем условиям истинности рассказ про церковь в одном из сел Египта: ее видели люди, слова которых заслуживают доверия, с мнением которых считаются, со стороны которых не может быть никакого обмана, равно как и они сами не могут быть обмануты. И вот (такие лица) рассказывают, что в этой церкви есть подвал, к которому ведет приблизительно двадцать ступеней; в нем имеется трон, под которым (лежат) мужчина и мальчик, завернутые в ковер. Над тронem — мраморная ваза, внутри которой стеклянный сосуд, а в нем медный фитиль, внутри которого льняной. Его зажигают и масло льется в стеклянный сосуд, так что скоро весь он наполняется маслом, которое затем течет в мраморную вазу. Его расходуют на церковь и ее лампы. Ал-Джейхани рассказывает, что сюда пришел один заслуживающий доверия человек; он вынул сосуд из вазы вылил все масло из сосуда и вазы, и потушил огонь, а затем вернул все в прежнее состояние за исключением масла, вместо которого он налил своего. Он заменил также фитиль другим и зажег

его. Сейчас же масло стало появляться в стеклянном сосуде, а затем потекло в мраморную вазу без всякой видимой материи и элемента. По его словам, когда из под трона убирают мертвого, то огонь тухнет и масло не течет. Со слов жителей этого села передают, что женщина, подозревающая у себя беременность, берет этого мертвого ребенка и кладет себе в лоно. Ее дитя в утробе начинает двигаться, если беременность действительна. Если же женщина не почувствует движения, она отчаевается»⁴.

Обратим внимания на завершающий пассаж И.Ю. Крачковского. Оценивая текст Бируни, он пишет: «Было бы, конечно, желательно, чтобы эти ценные сообщения не стояли так обособленно, но и одинокий авторитет ал-Бируни придает им значительную силу. Во всяком случае, его сообщение о благодатном огне является наиболее важным в ряду арабских свидетельств не только по своей древности, но и по внутреннему достоинству. Отношение его к описываемому обряду дает ценную черту для характеристики автора: в нем мы находим пример вдумчивой терпимости к чужой религии, который едва ли легко встретить в христианском средневековье по отношению к мусульманству»⁵.

Наряду со справедливым замечанием И.Ю. Крачковского о «терпимой вдумчивости» Бируни к чужой религии кажется допустимым и другое предположение.

Когда средневековый мыслитель писал страницы своего сочинения с рассказом об обряде нисхождения св. огня, лучи этой чудодейственной стихии, освещавшие ее культ в Хорезме — на родине ученого, конечно, тускнели, уступая, таким образом, место учению Пророка Мухаммада. Ощущение существования остатков этого культа лишь кое-где в Хорезме возникает из сообщения в том же его сочинении о домах огня у жителей раннемусульманского Согда. Автор «Хроники минувших лет», написавший свое сочинение, — заметим, на арабском языке, — видимо, внутренне переживал, видя, как ветер времени уносит символ еще недавно устойчивой веры народа. В этом смысле его рассказ о благодатном огне христиан предстает как выражение ученым сожаления об утрате однообщинниками объекта доисламского трепетного служения. Складывается впечатление, что история о нисхождении св. огня у христиан, описанная Бируни, являет собой попытку напомнить оппонентам о культе огня и объяснить, почему в родной для него среде эта стихия тысячелетиями была объектом благоговейного отношения. Рассказ великого хорезмийца об обряде нисхождения огня в празднование православ-

ной Страстной субботы — это не только демонстрация проявления всенародной веры. В нем скрыты и мотивы почтительного отношения, которое заслуживает к себе огонь как стихия Мироздания. Умозрительно это и мыслительные истоки, из которых питался культ огня в мире, к которому ученый принадлежал.

Как нам кажется, отчасти такое понимание обусловило иную, нежели у других мусульманских авторов, позицию Бируни в вопросе о нисхождении благодатного огня под сводами Храма Господня в Иерусалиме. Он не полемизирует с ними, называвшими чудо трюком. Средневековый ученый говорит прямо, что сам он не был очевидцем описываемого им события и что излагаемое известно ему из рассказов и книг. Для него важнее всего дать читателю почувствовать, как огонь из устойчивого символа религии и веры зороастрийцев превращается в олицетворение воздаяния в исламе (ср. представления об огне как символе адских мук в христианстве, иудаизме и индуизме). Символ воздаяния — это, конечно, метафора огня. Вполне возможно, что в ней скрывается концепция стихии Мироздания, в основании которой лежит представление об очищающей функции этого элемента природы не только от скверны, но также от грехов и грешников. В мифологии, к примеру, иранских народов огонь — не только символ социального очищения. Он является и функцией природной пурификации⁶.

Лаконичный рассказ ал-Бируни оказывается очень емким по внутреннему смыслу. Судя по нему, ученый вполне понимает, что в исламе наряду с прочим существует и другое отношение к огню: он — благословенная стихия. В Коране, а также в исламском мистицизме (это ощутимо и в философских концепциях ислама) свет признается не только атрибутом, но и сущностью Бога-Творца. В этом смысле концепция огня в учении Пророка Мухаммада соотносится с воззрениями доисламских иранцев об этом элементе природы. Так, в одном из коранических текстов читаем: «Аллах — свет небес и земли. Его свет — точно ниша; в ней светильник; светильник в стеклянном сосуде; стеклянный сосуд — точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете!» (Коран, 24;35).

Интересно, как текст коранической *сурь* напоминает некоторые детали чуда нисхождения св. огня в православную Страстную субботу, описанные ал-Бируни. Ср. «стеклянный сосуд», масло в котором «готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь».

¹ Крачковский И.Ю. «Благодатный огонь» по рассказу ал-Бируни и других мусульманских писателей X–XIII вв. // Христианский Восток. Пг., 1915. Т. III. Вып. 3. С. 226–242. Об интересующем нас тексте Бируни см. также: Бируни Абу Р. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957. С. 349–350.

² Крачковский И.Ю. «Благодатный огонь»... С. 227–230.

³ Там же. С. 227.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ В некоторых районах мира (например, на юге современной Республики Таджикистан) для очищения от сорняков богарных земель, отведенных под зерновые, используется способ их обработки огнем. Эта операция производится обычно после уборки урожая.